> МАГНИТОГОРСКУ - 80

Рояль в бараке

МАГНИТОГОРСКУ исполнилось 80 лет. Для ровесников города возраст солидный. Но в сравнении с другими городами Магнитогорск еще очень молод.

За восемьдесят лет город приобрел не только свое лицо и свой характер, но и свою душу. И не удивительно: за короткий срок столько людей приняло участие в строительстве города и комбината, отдавая бескорыстно свой труд, свой талант, свое здоровье. В воспоминаниях бывших магнитогорцев, которых хоть на какое-то время притягивала гора Магнитная, звучат слова любви и благодарности к городу, который научил преодолевать трудности, определил их судьбу, став стартовой площадкой для дел и свершений. Вот некоторые из них, которые хранит архив:

Я был на Кавказе, видел я Омск,
Кушал манго и гранат,
Но дорог мне больше Магнитогорск
И флагман его – комбинат!

Эти идущие от сердца строчки написал в год 50-летия Магнитогорска москвич Михаил Павлович Артюхин. В 1930–1932 годах он работал старшим десятником на строительстве ЦЭС и там был избран секретарем первой комсомольской ячейки. По его словам, в начале тридцатых была «труднейшая из труднейших» работа. Ее он сравнивал впоследствии с боевыми действиями на фронте – для выполнения задания требовалось не меньше мужества и отваги, чем на фронтах Великой Отечественной.

Помимо бытовой неустроенности, сорокоградусных морозов и травмы руки, примерзшей к железу во время устранения аварии на строительстве ЦЭС, сохранились в памяти Михаила Павловича о Магнитострое песни под гармошку вечерами у палаточного городка будущего Магнитогорска, освещенная прожекторами панорама строительства с шестисотметровой высоты горы Магнитной. И, конечно, запомнились встречи с такими замечательными людьми, как секретарь комсомольской организации Григорий Петелин, бригадир Хабибулла Галиуллин, главный энергетик Матвей Скобелев, корреспондент газеты «Комсомольская правда» Семен Нариньяни. Школа жизни, полученная у подножия Магнитной, стала своеобразной путеводной звездой инженера-строителя Михаила Артюхина.

– Всегда с любовью и теплотой вспоминаю свой магнитогорский период, свое детство, свои первые шаги на сцене, – писала в 1996 году в город своей юности артистка Минского академического театра имени М.Горького, народная артистка СССР Александра Ивановна Климова.

В 1929 году восьмилетнюю девочку вместе с семьей судьба забросила в Магнитогорск. Первое, что увидела здесь маленькая Саша, барак, который произвел жуткое впечатление: она сочла его тюрьмой. Но за неказистыми стенами одного из соседних бараков играл рояль. Благодаря этому соседству Саша стала заниматься музыкой параллельно со школьными уроками. Будущей актрисе Магнитогорск запомнился выступлениями известных столичных артистов, которые нередко приезжали в строящийся город. Здесь в 1932 году Саша Климова впервые увидела выступления Московского театра Революции, где начинала свой путь великая Бабанова. Здесь же в Магнитогорске увидела знаменитую Любовь Орлову, приехавшую с концертом…. А пока мечта Саши выступать на сцене воплощалась в кружке художественной самодеятельности, затем – в народном драматическом коллективе, где она постигала уроки театрального мастерства.

В годы войны на Урал эвакуировали многие театры, в их числе и московский Малый театр. В 1942 году, увидев на сцене известную актрису этого театра Веру Пашенную, народную артистку СССР, девушка решила, что станет такой же. Через три года первый «мирный» поезд умчит Сашу в столицу, где она поступит в театральное училище имени М. Щепкина на курс профессора Пашенной. Мечта Александры Климовой сбылась. За годы в театре она сыграла свыше полусотни ролей, тридцать – в кино. А путевку в жизнь ей дал Магнитогорск.

«С Магнитогорском у меня связано очень много. Здесь прошла моя юность, лучшие годы…. Я впервые поднялся в небо здесь, в Магнитогорске», – взволнованно говорил летчик-космонавт Павел Романович Попович, прилетев в наш город в сентябре 1965 года.

В конце сороковых будущий космонавт поступил в Магнитогорский индустриально-педагогический техникум. Как и многие юноши той поры, занимался спортом. В Магнитогорске на Зеленом поле недалеко от поселка имени Дзержинского обосновался аэроклуб, где готовили планеристов, парашютистов и летчиков-спортсменов. В 1951 году одновременно с техникумом будущий летчик-космонавт завершил занятия и в аэроклубе.

Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Павел Романович Попович является почетным гражданином болгарского города Торговище, нескольких украинских и российских городов. В том числе и Магнитогорска. Думается, Магнитогорск навсегда останется в памяти космонавта как город юности, где ему помогли впервые подняться в небо.

ГАЛИНА МИРОНЕНКО,
ведущий архивист МУ «Городской архив»

Кони из мешка

> Гора Магнитная в судьбе ветерана Николая Коваленко

В 1942 ГОДУ после окончания школы фабрично-заводского обучения я, 17-летний мальчишка, пришел работать на рудник горы Магнитной, быстро освоил профессию машиниста экскаватора и стал грузить железную руду. Я с удовольствием работал, любил свою сложную машину и содержал ее в хорошем состоянии.

Начальником рудника был тогда Василий Николаевич Серебряков. Человек-легенда! Практически он жил на руднике, выходных не знал, за все годы войны отдыхал всего 10 дней в доме отдыха «Банное» – больше не выдержал, сбежал. Он с уважением относился к трудящимся – лишить рабочего премии для него была высшая мера наказания.

Вспоминаю, как-то я совершил аварию: порезал высоковольтный кабель. Аналогичные аварии были еще у двух машинистов экскаваторов. Их лишили премии, а меня перевели на три месяца в путевые рабочие.

Прошел месяц. Василий Николаевич подходит к мастеру службы пути и спрашивает: как работает Коваленко? Мастер говорит: «Хорошо, но вы его переведите на экскаватор. От него там пользы больше будет, он площадку под железнодорожные пути очень ровно делает».

Мне пришлось бывать на многих горных предприятиях Советского Союза, но таких карьеров, как у нас, я не видел. Некоторые писаки, не зная даже, где гора Магнитная, пишут, что ее всю срыли. Но она стоит и будет стоять века, как памятник природы. Таких подарков, как тот, что преподнесла нам Магнитная, в мире не было и нет. Руда была расположена практически на поверхности ее западного и восточного склонов. Экскаваторщиком мне пришлось начинать разработку первого горизонта восточного месторождения. 30-40 сантиметров – растительный слой земли, а затем – чистая кристаллическая руда с высоким содержанием железа. БелАЗов в те годы не было, и руду грузили в железнодорожных вагоны.

Отдельные руководители комбината давили на В. Серебрякова, вынуждая давать его больше руды. Но он был настоящий горняк и всегда говорил, что мы должны добычу руды вести грамотно, не забывая о завтрашнем дне. Отгружая руду, одновременно у нас вывозили и горную породу. На склонах горы восточного месторождения были организованы отвалы, куда складировали бедные и промывочные руды. Богатая руда с высоким содержанием серы располагалась в отдельном отвале, затем с пуском аглофабрик ее отгружали на дальнейшую переработку.

Специалисты жили семьями в домах, построенных рядом с рудником

У Василия Николаевича были прекрасные помощники по горным работам – начальники смен Фома Евстифеев, Иван Кирилов и Николай Зонов. Директор комбината Григорий Иванович Носов построил им домики у подножья Магнитной, чтобы им легче было держать связь с рудником.

Из всех начальников выделялся Иван Васильевич Кирилов, человек высокой культуры. Для нас, молодых, он был не только техническим наставником, но и воспитателем. Я не помню, чтобы Иван Васильевич сказал грубое слово или матерно обругал. А для меня это было особенно важно: у нас в роду мужчины не курили, не пили и не ругались. А чего греха таить, даже в наше время отдельные руководители считают грубость и мат нормальным явлением.

Иван Васильевич воспитал троих сыновей и дочь. Сын Станислав был одним из лучших машинистов экскаваторов, Борис – высококвалифицированный механик рудника. Пенсионеры избрали его своим вожаком, и он оправдывает их доверие, для всех находит добрые слова, оказывает помощь в трудную минуту. Девять представителей семейства Кириловых работают на комбинате.

Нельзя не вспомнить один оригинальный случай с Иваном Васильевичем. Я тогда работал секретарем партбюро рудника. Наступило время ухода Ивана Васильевича на заслуженный отдых. Поговорил с сыновьями: какой ему подарок вручить? Они сказали: уж очень он мечтает купить часы, вмонтированные в каслинское литье. Дали им деньги, попросили купить подарок и принести на рудник. В среду на отчетно-выборном партсобрании решили проводить Ивана Васильевича на пенсию. В три часа дня он заходит в партбюро с мешком на плечах, положил его на стол и говорит: «Ну подарочек, еле донес!» вынимает из мешка каслинских коней с вмонтированными часами. Нес он их от магазина через все горизонты рудника. Я стал перед ним извиняться, ругать сыновей, но он меня прервал: «Сам виноват! Сказал им: давайте деньги, я куплю, а то вы еще не то возьмете!» Прошу его: «Иван Васильевич, ты уж никому не говори, что так произошло».

Но ведь какой молодец! Когда ему начальник рудника В. Серебряков вручал коней, он так на них смотрел, будто первый раз видел. Сын говорит, что никому не давал часы заводить, только сам.

...Стою я на борту карьера и вспоминаю годы войны: какие замечательные люди трудились на руднике!

Но был один момент, когда я чуть не расстался с Магнитной. В годы войны молодые ребята рвались на фронт. К нам в общежитие приехал работник военкомата, отобрал человек 15, вручил нам повестки и сказал: вечером на вокзал, вас повезут в Омское авиационное училище». Мы рады: наконец-то исполнилось наше желание. В ночь вся бригада не вышла на работу, уговорили ребят остаться на вторую смену. Стали нас искать. К тому же не вышла на работу часть сталеваров и доменщиков. Сообщили директору комбината Г. Носову. Он дал команду задержать нас на станции Карталы и под охраной милиции доставить в Магнитку.

Ох и попало же нам! Кто нас только не стыдил. Директор сказал: «А кто будет руду грузить? А кто будет ковать победу в тылу?»

Гора Магнитная спасла страну в годы войны, все свое богатство отдала людям и стала еще краше. Ровные горизонты постепенно зарастают лесом. Спасибо тебе, гора Магнитная, за все!

НИКОЛАЙ КОВАЛЕНКО,
ветеран труда
> ФОТО из семейного архива автора

Брянская партизанская

> Немцы жестоко карали за связь с подпольщиками

В «МАГНИТОГОРСКОМ МЕТАЛЛЕ» прочитал, что депутаты Госдумы от Брянской области выступили с предложением утвердить 29 июня Днем партизан. Именно в этот день в 1941 году СНК СССР принял постановление о том, чтобы на территориях, оккупированных немцами, создавали партизанские отряды.

Как известно, именно в лесах Брянщины был сформирован центр партизанского движения, а численность партизан превысила 80 тысяч человек. Для меня это не просто цифры – я родился в Брянской области, войну застал семилетним мальчишкой и многое помню, в том числе противостояние немцев и подпольщиков.

...В нашей деревне Случок фашисты появились в конце августа 1941-го. На мотоциклах, велосипедах, танках, упитанные, как боровы. Был у нас магазинчик, больше похожий на ларек с продуктами и товарами для быта. Немцы окружили его, поставили в треногу фотоаппарат и стали показушничать, раздавая старикам товары из ларька. Когда я подошел к одному из них, на меня не обратили никакого внимания. Тогда я осторожно потянул за шнурок, который мы, мальчишки, использовали, пуская воздушных змеев, а в следующую секунду получил такой сильный удар, что летел метров пять. Ребята закричали: «Ты что делаешь?», а немец трижды выстрелил в воздух. От страха я прибежал домой и залез в погреб, но сам вылезти оттуда уже не смог – крепко побил он меня, полгода не ходил...

Вообще во многом они за людей нас не считали. Порой вели себя по-животному: могли на глазах женщин и детей оправиться по-легкому, часто выпивали и вели себя несдержанно.

Как-то утром мать доила корову, сестра с братом лежали на печи, а я подбрасывал дровишки. Зашел в хату пьяный немец с ручным пулеметом на плече и сразу на меня – долго гонял по избе и смеялся...

Женщины боялись фашистов, мазались дегтем, чтоб к ним не приставали. Те же, в свою очередь, во всем видели скрытую угрозу жизни. Например, когда приезжали за продуктами, брали не все подряд. Очень любили молоко и делали так: ждали, когда женщина подоит корову, процедит ценный напиток, сама выпьет кружку, даст ребенку, только потом наливали в свои фляги. Жили они в соседней деревне, к нам приезжали загружаться продуктами и чувствовали себя хозяевами. Запросто убивали касками и пистолетами кур, отстреливали поросят. Кроме этих безобразий, были и обязательные «поборы»: каждый двор обязан был принести в магазинчик определенное количество яиц, масла, мяса, кур – все это забирали венгры, которых мы называли мадьяры – они отвечали за продовольствие на немецких фронтах и в тылу. Только за кроликами немцы приезжали сами и платили марками за диетический продукт.

Когда мы оказались в оккупации, немцы по-своему поделили между селянами землю, скот и лошадей. Кто был ближе к старосте, получил больше, тем, у кого мужья воевали на фронте, вообще ничего не досталось. К приходу фашистов в Случке мало осталось мужчин. Часть молодых определили на полицайскую «службу» – в деревне был взвод полицаев из местных для контроля обстановки. Кто-то добровольно пошел на эту «работу», других, бежавших из немецкого плена, принуждал староста: «Или идешь сам, или я тебя сдаю».

Остальных мужчин постоянно подозревали в связях с партизанами. Одного без особых разбирательств вывезли на окраину деревни, заставили раскопать яму, убили и сбросили в нее. Был под подозрением и мой пожилой дядя. Его посадили в «белую камеру» – так называемую расстрельную, но знакомые охранники помогли устроить побег, и дядя не появлялся в деревне до конца войны. Другой земляк, наоборот, сумел чудом избежать смерти: поселился на окраине деревни у женщины с двумя дочерьми под видом сапожника и зятя. Раз в неделю ездил в районный центр, где остановились немцы, вроде как на базар. Его никто не трогал, а он тем временем передавал ценную информацию партизанам. Позже выяснилось, что сапожник оказался майором из спецвойск, был женат и имел двоих детей в своей настоящей семье.

Мой отец, освобождавший Западную Белоруссию, на начало оккупации тоже жил с нами – у него было серьезное ранение с финской войны. Но дома почти не ночевал. Во-первых, скрывался и боялся немцев, во-вторых, возил партизанам продукты. А вот с братом сложилось иначе. С 1939 года он служил на Украине, попал в плен, бежал и нашел себя в партизанском движении. В 44-м году при ликвидации немецкой группировки был тяжело ранен в ногу. Командир отряда сказал тогда: «Не сдавайся в плен». Добровольно он не сдался, за что был жестоко казнен: ему выдрали ногти, обрезали уши, выкололи глаза, на спине выжгли комсомольский билет, но никакой информации о партизанах от него не добились...

Летом 42-го на Брянщине действовало 139 партизанских отрядов, под их контролем было около 500 сел и деревень. Помню, как поздним вечером в Случок пришел отряд Дмитрия Павленко из 200 человек и окружил деревню. Им нужны были продукты и одежда. Зашли в нашу хату. Свет погасили, брали все, что могли унести: картошку, сало, валенки, полушубки... Был у матери последний отрез ткани: один взял его, а другой, перед тем как уйти из избы, положил мне материю под подушку – пожалел видно.

...Первое время оккупации было относительно спокойным, потом партизаны стали минировать дороги. Мы с дедом сами видели, как поутру взорвалась немецкая колонна в пяти километрах от нашей деревни. Но и немцы оказались не промах: после взрывов обязали каждый двор регулярно боронить дороги с пяти до 10 утра. Если не выйдешь на работу или взорвется в том месте машина – сам прощайся с жизнью.

Отступали фашисты тяжело и с ожесточением. Осенью 43-го до грамма приказали сдать зерно, а потом подожгли его, чтоб никому не досталось. В каждом дворе тогда был свой блиндаж, но многие предпочитали уходить из деревень, потому что немцы сжигали все, что оставалось позади. Партизаны устраивали им засады, взрывали мосты, пускали под откос поезда... А вот об отравленной воде не смогли предупредить: напоследок отступавшие отравили колодцы, и вся деревня слегла – заболела брюшным тифом. Я сам тогда чуть не сошел с ума от высокой температуры и еле выжил. Едва наши появились в деревне – заколотили все колодцы, и тиф стал отступать...

ИВАН РАДЧЕНКО,
ветеран труда

> БЫЛОЕ

Беженка Сара

ИЮНЬ 1941 года. Гитлеровцы бомбили наши приграничные города. Бомбы сыпались градом. К тракту подъезжали машины, мгновенно загружались людьми и ехали к железнодорожному полотну. Медленно плыли состав за составом. Люди спешно заполняли вагоны, слезы, стоны не прекращались. Сара делала легко раненым перевязки, но по вагону нельзя было протиснуться. Ехали долго, под Саратовым к каждому вагону был подвезен хлеб.

По кусочку досталось всем. Доехали до Карталов. Здесь столпотворение составов. На запад везли тяжелую технику, облепленную солдатами, на восток – беженцев. На вокзале много людей, перрон и прилегающие улицы полны народа. Часть беженцев увезли в село. Наша семья жила около станции Анненск. Смотрим: военный человек ведет за собой толпу людей, зашел в избу, видит, полна детишек, спросил маму:

– Возьмете на постой хоть одну женщину?

– Конечно, конечно , проходите!

Мама стала хлопотать у печки, а мы рассматривали и расспрашивали нового человека. Она сказала, что ее зовут Сарой, что она еврейка, но это нам ни о чем не говорило, что она бежала из-под бомбежки и что у нее двое маленьких детей. Но где они? Она горько плакала, но была удивительно красива: черные локоны рассыпались по плечам и ото лба белая седая прядь, кажется на глазах расширялась еще больше, и это ее украшало. Таких красивых женщин мы не видели в деревне. В руках у нее был один грязный сверток – окровавленный белый халат.

Мама наварила картошки, ребятишек попросила топить баню. Сара при разговоре чуть успокаивалась – и опять рыдания.

Утром рано с мамой ушли в санаторий, нам каждому было дано задание, мы с большим усердием старались выполнить: ведь у нас теперь еще появился жилец.

Сара принесла из санатория бумажки, на которых целыми ночами писала письма, наутро треугольнички оставляла на столе, чтобы мы отнесли на почту. Сара писала запросы: куда увезли детский садик из такого-то города? Ночами она почти не спала, гладила и целовала ручонки ребятишек, но крепилась, не плакала, а утром на заре выходила во двор и давала волю своим рыданиям. Она со стоном кричала, простирала руки к небу, волосам, закручивая их на пальцы, резко опускала, и они беспомощно висели, как плети. На этот стон сходились соседи, пытались утешить, каждая женщина по-своему ее уговаривала, но тщетно – опять рыдания. Потом шла к реке, она у нас протекала в огороде, долго умывалась и шла в санаторий.

Месяца через четыре ей пришел официальный пакет, она встревожилась и на утро заспешила уезжать. Мы, ребятишки, обежали с этой новостью соседей, и они принесли ей в дорогу курицу, яйца, пирожки, со слезами проводили. Она обещала, что если найдет детей, напишет, но письма мы от нее не дождались.

ВАЛЕНТИНА СКАЧКО